

по истории России XIX в. и по историографии, большое количество всевозможных выписок, подборки газет по темам, актуальным в 1990-е гг. Всё это позволяет проследить работу историка от этапа архивных и библиотечных изысканий до внесения незначительной правки в уже завершённые тексты.

Большой интерес представляет также его переписка с отечественными и иностранными исследователями. Неоднократно Иван Дмитриевич начинал вести дневник, но делать регулярные записи ему не удавалось. Сохранились лишь небольшие фрагменты, относящиеся ко времени зарубежных командировок (ФРГ и США), а также летнего отпуска, который он нередко проводил в архивах, отмечая в дневнике некоторые подробности этих занятий¹⁶.

К сожалению, архив И.Д. Ковальченко отражает далеко не все стороны деятельности учёного. Так, в его описях почти нет документов, связанных с многолетним пребыванием Ивана Дмитриевича на посту главного редактора журнала «История СССР» или в должности академика-секретаря Отделения истории АН. По-видимому, Иван Дмитриевич периодически разбирал свои бумаги, сохраняя лишь то, что считал нужным. Например, у него были маленькие ежедневники, куда он записывал все свои встречи, но они, к сожалению, не сохранились.

Андрей Сахаров: Человек старой системы взглядов и новые горизонты исторической науки

Andrey Sakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The man of the old system of views and new horizons of historical science

Иван Дмитриевич учился на курс старше меня, он поступил на исторический факультет МГУ в 1947 г., уже проучившись какое-то время на физическом факультете. Надо сказать, что в то время на этом курсе подобралась очень яркая группа людей, многие уже возрастные, некоторые из них прошли фронт. Они очень быстро выдвинулись на первые позиции и в науке, и в общественной жизни. Я имею в виду, прежде всего, К.Н. Тарновского, В.И. Бовыкина, А.Д. Горского и И.Д. Ковальченко. Первые двое были учениками А.Л. Сидорова, а Ковальченко — академика Н.М. Дружинина. Эта «дружининская» академическая линия, объективная, спокойная, глубоко научная, отнюдь не политизированная, была передана в наследство Ковальченко. Он очень быстро занял ведущие позиции как студент, подающий большие надежды, потом как аспирант и общественный деятель. В первые годы аспирантуры он уже являлся секретарём партийной организации исторического факультета МГУ.

Наша первая близкая встреча с ним, которая проявила для меня его личные человеческие качества, — качества благородного, широкого человека, — как раз пришлась на период, когда он состоял секретарём партийной организации. Я окончил МГУ в 1953 г. круглым отличником, получал благодарность от деканата за спортивную работу, играл в сборной команде нашего факультета по волейболу, которая заняла на соревнованиях в МГУ почётное третье место. Однако руководители нашего курсового комсомола, в котором верховодил ученик академика М.Н. Тихомирова, отрицательно относившийся ко мне, ученику Л.В. Черепнина, дали мне при направлении на работу крайне невы-

¹⁶ Там же. С. 418—440.

годную характеристику. Я пришёл с ней в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории, куда меня определили по запросу, но мне там сказали, что не могут принять меня с такой рекомендацией. Обычно писалось: политически выдержан, морально устойчив и прочее. Мне же вписали, что я был индивидуалист и «учился только для себя».

Умирать голодной смертью мне не хотелось, поэтому я взял эту характеристику и пришёл в партбюро к Ковальченко. Он посмотрел на неё, увидел подпись секретаря комсомольской организации, который был его хорошим приятелем и сказал только: «Дураки. Учиться для себя — это что, плохо?». Глядя на фразу «учился для себя», он недоумевал: «Как это может быть?». И всё же обнадёжил: «Не расстраивайся, я подумаю. Приходи через пару дней». Через два дня Иван Дмитриевич вручил мне новую характеристику, выдержанную в спокойном духе и даже отмечавшую мои спортивные успехи. Подпись стояла та же. Я поблагодарил Ковальченко, вскоре был принят на работу и начал свою учительскую деятельность.

Позднее, работая заведующим отделом редакции журнала «Вопросы истории», я снова встретился с Иваном Дмитриевичем, но уже по научно-дискуссионной линии. Люди старшего поколения помнят, какое тогда было время. В 1960-е гг. в нашей историографии боролись две очень крупные научные группы — Н.И. Павленко, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов и др. настаивали на позднем развитии капитализма в России, а А.А. Преображенский, Е.И. Индова, Ю.А. Тихонов, С.М. Троицкий и их последователи, которых насчитывалось достаточно много, искали его зачатки в XVII в. Были и те, кто считал, что капитализм в России зародился чуть ли не в XVI в., — В.А. Голобуцкий, киевская школа. Эти учёные видели элементы капитализма в Запорожской Сечи и т.д.

Ковальченко, как известно, занимался первой половиной XIX в., его докторская диссертация посвящена крепостному крестьянству. А если существовало крепостное крестьянство, то какие могут быть капиталистические ростки? Но во время тех бурных дискуссий Ковальченко был неизменно корректен, деликатен и терпелив, спокоен и уважителен к своим оппонентам, в отличие от Милова, настроенного весьма воинственно, и особенно от Павленко, который «уничтожал» своих противников, насмехался над ними и принижал их научный уровень, называя их «собирателями вил и кос». За время работы в «Вопросах истории», где все эти споры сходились и препарировались, я не прочёл ни одного уничижительного отзыва Ковальченко о тех, с кем он не соглашался. Хотя в разговорах и он с юмором говорил об исследователях, находивших капитализм в середине XVII в. Эти качества — терпение и умение прислушаться к возражениям — были характерны для него как учёного и человека.

Однажды журнал опубликовал статью П.Г. Рындзюнского — сторонника более раннего развития капитализма. Она называлась «Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 года?» и была прямо направлена против концепции Ковальченко—Милова, согласно которой помещичьи крестьяне в XIX в. испытывали невыносимые тяготы. Ковальченко, кстати, уже тогда начал в этом сомневаться. Рындзюнский показывал, что подобное представление ошибочно — русская деревня при крепостном праве не вымирала, находя пути и способы для восстановления жизненных сил и даже улучшения своего благосостояния. Полотна Венецианова во многом соответствовали истине. Статья, написанная блестяще, произвела настоящий фурор. Ковальченко воспринял всё это спокойно, сказав: «Будем полемизировать, будем смотреть источники, будем оценивать». Его выдержка меня очень удивила и обрадовала. Получа-

лось: есть такие люди, которые, пройдя фронт, будучи партийными деятелями и своего рода носителями устоев советского общества, объективно относятся к критике в свой адрес. Я это запомнил на всю жизнь. Надо сказать, я сам организовал публикацию статьи Рындзюнского в журнале и даже подсказал ему название. Но своё участие я не афишировал, несмотря на то, что также примыкал к группе Преображенского, Тихонова, Индовой, Троицкого.

Через несколько лет, уже работая инструктором в ЦК КПСС, я снова встретился с Ковальченко. Я перешёл в ЦК в 1968 г., когда в Отделе пропаганды была подготовлена записка против руководства журнала «История СССР» и конкретно против тогдашнего главного редактора Ю.А. Полякова, которого критиковали за проявления либерализма в духе «шестидесятников». Эту записку рассмотрели на Секретариате и приняли решение освободить Полякова от должности. Мне было поручено сообщить ему о результате этого заседания. На четвёртом этаже 20-го подъезда была специальная комната для такого рода встреч и бесед, куда я пригласил Юрия Александровича, чтобы изложить содержание записки и сделанные на её основании выводы. Поляков был расстроен, подавлен. Думаю, эту беседу он запомнил надолго, что отразилось и на наших отношениях, хотя я не был причастен к данному делу. После этого меня вызвал заведующий сектором журналов Отдела пропаганды И.П. Кириченко и спросил, кого, по моему мнению, можно рекомендовать на освободившуюся должность. На следующий день я пришёл к нему и сказал: «Вы знаете, есть замечательный человек, крупный авторитетный учёный, объективный, спокойный человек — Иван Дмитриевич Ковальченко, профессор МГУ». Кириченко был очень доволен, хотя он лично Ковальченко не знал, но, видимо, в силу своих этнических симпатий, отнёсся к нему благосклонно. Я пригласил Ивана Дмитриевича на беседу. Он пришёл, ещё не зная, о чём пойдёт речь. После беседы с Кириченко мы пошли к заведующему отделом А.Н. Яковлеву, представили Ковальченко. С Яковлевым у него состоялся длительный разговор. Таким образом Иван Дмитриевич стал главным редактором журнала «История СССР». Называя его кандидатуру, я помнил, как он помог мне в своё время с характеристикой. Я честно ему отплатил за ту помощь и был очень рад, что так вышло. Если отбросить шутки, это решение оказалось верным, Ковальченко долго и плодотворно трудился в журнале. Вскоре его избрали членом-корреспондентом АН СССР.

Хотелось бы напомнить и о том, как воспринял Иван Дмитриевич политические и научные новшества рубежа 1980—1990-х гг. Он был, несомненно, абсолютно советским, партийным человеком и оставался верен устоям марксизма-ленинизма. Но его работы отнюдь не конъюнктурны, они носили вполне научный характер. Маркс всё же был крупный экономист и мыслитель. Лучшие учёные, творчески освоившие марксизм, успешно пользовались его методологией. К их числу принадлежал и Ковальченко.

Как он реагировал на перестройку, на события 1989—1991 гг.? Я ни разу не слышал от него политических оценок. Когда говорилось о научных проблемах, о методологии, он был непререкаем и твёрдо стоял на своих позициях, но от дискуссий о политике уходил. К тому времени он уже руководил Отделением истории и всем историческим фронтом. Наука начинала бурлить. Старшее поколение помнит, что творилось в нашем институте, какие шли споры, какие восстанавливались имена (Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий и др.), как переоценивались события. Труды «западных фальсификаторов истории» стали частью наших исследований, мы стали с ними считаться и всё чаще общались с их

авторами. В этих условиях Ковальченко показал себя действительно крупным, ярким, терпимым, широким учёным и человеком. Он возглавил этот процесс. Для меня это было поразительно и удивительно. Занимая должность заместителя директора, я не раз приходил к нему за советом. И это всегда были спокойные, мудрые, совершенно научные рекомендации.

На рубеже 1990-х гг. в зале на 400 мест в гостинице «Узкое» проходили международные конференции, собиравшие весь цвет тогдашней мировой науки. В них участвовали учёные из Стэнфорда, Беркли, Гарварда, Мичиганского университета, Лондонской школы экономики, Сорбонны. Ковальченко возглавлял эти конференции, предоставлял через АН СССР необходимые средства, принимал зарубежных гостей, беседовал с ними, присутствовал на заключительных застольях. Человек старого мышления, старой системы взглядов по существу руководил процессом, открывавшим для исторической науки новые горизонты.

На одной из первых научных конференций, посвящённых проблемам истории национальных отношений, появился профессор Университета им. Бен Гуриона Шимон Редлих, обратившийся ко мне с просьбой прислать ему приглашение. Дипломатических отношений между Израилем и Советским Союзом тогда не существовало. Я пришёл к Ковальченко с этим письмом, и он сказал: «Приглашай». Я написал Редлиху, который, используя швейцарскую визу, приехал в СССР. Так впервые израильский исследователь выступил с докладом на нашей конференции. В дальнейшем Редлих продолжал с нами активно сотрудничать.

В то же время И.Д. Ковальченко был очень аккуратен и осторожен. Когда к нам приезжала Кондолиза Райс, возглавлявшая один из американских фондов, и выразила желание познакомиться с академиком-секретарём Отделения истории, Ковальченко отказался встречаться, выразив своё отношение короткой репликой: «Да ну её».

Бесспорно, среди людей, которые в 1990-е гг. содействовали повороту нашей науки, сделали её более объективной, терпимой, поистине международной, роль И.Д. Ковальченко — учёного, человека, гражданина, отнюдь не политика — была очень велика и заслуживает самой высокой оценки нашим профессиональным сообществом.

Маргарита Вандалковская: Во главе научного совета

Margarita Vandalkovskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): At the head of the scientific council

Конечно, у всех своя память об И.Д. Ковальченко. Мои воспоминания связаны с нашей совместной работой в Научном совете по истории исторической науки и с тем, как он выступал оппонентом на защите моей докторской диссертации. Научный совет по истории исторической науки был создан в 1950-х гг. по инициативе академиков В.П. Волгина, М.Н. Тихомирова и М.В. Нечкиной, которая руководила им до своего ухода из жизни в 1985 г. В последние пять лет Ковальченко был её первым заместителем, а затем возглавил совет и работал в нём вплоть до кончины в 1995 г.

Совет был призван координировать проводившиеся в стране историографические исследования, содействовать изучению и преподаванию историогра-